

МОНОЛОГ ХРАНИТЕЛЯ

А теперь - слово Хранителю, Ивану Макаровичу Рыбкину, благодаря подвижническому труду которого эти знания "вышли в свет"... Его "Монолог" - прекрасный образец того, как надо знать и чтить свой род и свою историю, как важно соблюдать преемственность поколений - не только своего рода, но и своей страны, а также как важно беречь истинное народное достояние, народное богатство.

- Вот вы, современные люди, часто не знаете своих ближайших родственников. А мне повезло: я знаю всю свою родословную, которая идёт ещё от Дмитрия Ефимовича Кутейникова и Петра Ивановича Багратиона. Когда мы отмечали 150-летний юбилей рода, мы все собрались, и так было удивительно, что все похожи друг на друга!

Оба наших знаменитых предка на деле не раз доказывали свою преданность России. С одним из них — Д.Е. Кутейниковым — Пушкин общался при дворе. Что могло объединять двух таких разных на первый взгляд людей? К тому же, Пушкин был моложе Кутейникова почти в два раза. Дело в том, что Пушкин, Кутейников, Багратион и Суворов были величайшими патриотами России. А все патриоты понимали как задачи России, так и друг друга с полуслова. Для этого не надо было, как думают некоторые, ежедневно общаться. И даже таких редких встреч Пушкина с Кутейниковым, о которых почти никто не знал, оказалось достаточным, чтобы они поняли и приняли друг друга сердцем. Сейчас уже можно говорить, что все патриоты России вступали в казаки. Среди них — Суворов, Багратион, Кутузов, ...Пушкин, Толстой и многие другие, показывая этим высокое значение казачества как в прошедшей, настоящей, так и в будущей истории России.

По сведениям нашего рода хранителей, Пушкин вступил в казачество в 1829 году и был приписан к Таганрогскому округу, которому — в лице атамана Кутейникова и передал свои научные труды, подчеркнув тем самым и значение самого Таганрога в будущем.

В наших родовых Архивах есть свидетельства передачи Пушкиным своего научного Архива Д.Е. Кутейникову. Например, письмо племянника Д.Е. Кутейникова — Алексея — своему брату — Ивану Кутейникову. В письме рассказано, что весной, примерно в мае 1829 года, Пушкин, направляясь на Кавказ, поехал не обычной дорогой, через Курск и Харьков, а по старому тракту — через Старочеркасск.

Ночью он прискакал в Новочеркасск, где в то время был Кутейников, и проговорил с ним всю ночь. Это и был момент передачи Архива. Осенью Пушкин возвращается назад и снова заехал к Кутейникову, который дал Пушкину 5 тысяч рублей золотом безвозвратно. Предполагается, что эти деньги выручили Пушкина от наказания за самовольную поездку.

Иметь дело с казачеством не будучи казаком было нельзя, поэтому Пушкин и стал казаком. Пушкин увековечил это событие, написав свой автопортрет верхом на донской лошади, в казачьих доспехах.

Прежде всего Пушкина казачество привлекало как государство будущего. И в нашем архиве есть оставленные Пушкиным большие работы по казачеству, которые до сих пор не опубликованы и хранятся в наших родовых архивах.

Тому есть объяснение: принцип народного самоуправления, которое осуществило казачье государство, в России, по расчётам Пушкина, должно повториться лишь после 1998 года.

Вот до этого срока Пушкин, человек будущего (вспомните Н.В. Гоголя: "...Пушкин — русский человек, который явится нам через 200 лет"), и завещал хранить свои научные работы на Дону одному из самых знатных казачьих родов — роду Кутейниковых.

Сам Пушкин называл свой Архив "Златой цепью" — по атеистической абстрактной модели Космоса, или модели Мироздания, разработанной им.

Архив Пушкина первоначально представлял собой кожаную папку, в которой находились отдельные свитки, помеченные каждый своей датой обнаружения. Пушкин знал, что преждевременные знания могут быть бесполезными и даже вредными. Я в своей жизни сталкивался с такими знаниями ещё до работы ведущим Архива. Когда мне было 17 лет, мне доверили старинную книгу. Она была в хорошем сафьяновом переплёте, вся закованная в серебряную решётку, на которой был замок. Когда замок открыли, на первой странице книги я прочёл предупреждение о том, что вместе с этой книгой человек приобретает невероятную силу и что этими знаниями можно принести как большую пользу, так и огромный вред.

Рукописи Пушкина были написаны на специальной, именной бумаге — с водяными знаками владельца бумажной фабрики. Чем эта бумага отличалась от обычной? Она была, во-первых, более плотная, розового цвета и самого высокого качества, почти не подвергалась воздействию времени. Вот почему все материалы Пушкина прекрасно сохранены.

Нам, хранителям, удалось восстановить секрет производства этой бумаги, и у нас есть образцы созданной по этому рецепту бумаги, только мы в водяных знаках запечатлели имя Пушкина.

Пушкин распределил материалы по 30-ти основным математическим абстрактным моделям. Предполагалось, что будет последовательно сформировано 30 экспозиций по этим моделям. Но... получилась лишь одна...

Все работы написаны Пушкиным на французском языке с применением других иностранных слов — немецких, итальянских, латинских, персидских и даже иврита. Кроме того, для лучшей сохранности и конфиденциальности знаний само содержание работ было зашифровано. Над точным прочтением зашифрованного текста и работали хранители с момента передачи материалов, с 1829 года.

Перевод содержания научных работ осуществлялся следующим образом: переводчик предоставлял членам совета подстрочный перевод текста - со всеми значениями слов, и лишь после этого хранители, знающие содержание научных трудов, составляли описание модели. В некоторых случаях Пушкин оставлял "белые пятна" - там, где явление ещё не имело названия. Эти "пятна" заполняли хранители. Так, например, появились названия "СССР", "советский народ"... и

др.

Архив был тайной, но только не для тех, кому была дорога Россия, всё русское. С этими архивами работали по единому плану не только представители рода хранителей, но и писатели, математики, философы, историки, композиторы, художники, составившие то известное в России необыкновенное явление духовного и культурного просвещения народа XIX и XX веков.

Они-то и образовали впоследствии на основе Архива Пушкина второй архив - "Архив всего русского в России", куда вошли их работы и произведения.

Так родилась величайшая в мире культура. Пушкинская. Русская. Наше сегодняшнее и — главное — будущее мировоззрение.

Оба эти Архива вначале существовали вместе. Архивы разрастались, делились, и появился целый ряд филиалов, которые разместились в разных частях страны для улучшения условий и безопасности хранения.

Мы, хранители, предполагаем, что Пушкин продублировал свой Архив. Его копия, а может быть, и основной Архив, находится где-то в Сибири. Но тот архив пока не проявляется, и потому все исследования проводятся на основе материалов донского (таганрогского) хранения. Это и есть то самое "длительное пушкинское хранение на Дону", история которого началась с момента его передачи на Дон 165 лет назад. С этим хранением и связана главная тайна Пушкина.

Но почему обнародование "длительного хранения" приурочено к 1998 году?

Если быть более точным, то работы А.С. Пушкина надо было начать обнародовать в 1979 году и закончить в 1998-м. Таким образом, Пушкин отвёл на знакомство со своими трудами 19 лет. Этот срок он дал нам всем на изучение знаний, которые способны облегчить наше грядущее. Пушкин указал и день, и место, где эту работу надо начинать: 29 января 1979 года, Таганрог.

В этот день, как первый шаг к обнародованию, и открылся домашний музей научных работ А.С. Пушкина, руководителем которого стал я, и с тех пор в нём не убывают посетители.

В нашей стране существует три типа музеев А.С. Пушкина: Всесоюзный музей А.С. Пушкина в Ленинграде, Литературный музей в Москве и музей научных работ Пушкина в Таганроге. Причём, в Ленинградском и Московском музеях выставлены вещи, которыми пользовался Пушкин и которые не представляют особой ценности: сейчас ценность Пушкина для народа - это ценность его научных работ, которые хранятся только в Таганроге.

Итак, это условие завещания Пушкина — начать обнародование материалов с 29 января 1979 года, нам, хранителям, выполнить удалось без особого труда. Но вот второе... Дело в том, что с этого момента должна была начаться публикация содержания работ и затем передача их государству.

Но прошло 15 лет, а мы не передали не только ни одного документа, но домашний музей не получил даже статуса городского музея. Один из мотивов отказа в признании музея, - отсутствие подлинников. По словам работников музея - заповедника, чтобы получить статус музея, надо иметь как минимум 500 подлинников. Вы представляете себе, что значит хранить такое количество, или

даже один — ПУШКИНСКИЙ! - подлинник в неохраняемом помещении? Когда я просил помочь сделать в музее сигнализацию, говорили - а что там охранять? Подлинников ведь нет.

От меня требовали это невыполнимое условие. Порочный круг похорон любого дела! Когда мы просили принять наши материалы по Завещанию Пушкина гласно, по актам, нам предлагали присылать всё, - а там разберутся, где Пушкин, где его последователи, и что там написано. На самом деле всех этих деятелей "от культуры" интересовали только сами подлинники, а не знания, которые они содержат. Нам никто не давал письменной гарантии в том, что будут соблюдены все условия передачи, а значит, и сохранности материалов. Тем более — гарантии публикации для широких слоёв народа.

Передача материалов Архива осложнялась ещё и тем, что, по условию хранителей, Архив должен быть неделимым, а нам предлагали пушкинское отдать Пушкинскому Дому, то, что принадлежит Толстому — Дому-музею Толстого, то, что сделано Достоевским - музеем Достоевского и так далее. Это нарушило бы целостность Архива и затруднило бы обнародование его содержания.

Что значило отдать "пушкинское" Пушкинскому дому, который упорно отказывается признать Пушкина-учёного? Который делает всё, чтобы эта правда не вышла к народу? Это значило бы похоронить дело 165 лет хранения и сами работы. Да, подлинники сами по себе важны. Но важнее всего - их содержание, чего учёные-пушкиноведы так же никак не хотели признавать.

Чтобы доказать, насколько мало значат подлинник в том виде, в каком они оставлены Пушкиным, мы повесили в своём музее некоторые листки рукописей, принадлежащие, по нашим данным, руке Л.Н. Толстого. Узнавая, что это не Пушкин, все проходили мимо. Тогда как всего через несколько лет сведения, заключённые в этих листках, будут иметь огромное значение для всех нас... Конечно, хранители не могли пойти на то, чтобы разделить материалы и отдать их без обнародования содержания.

Мы столкнулись с таким противоборством Архиву, будто не отдать, а взять что-то собираемся. И виной тому — не только алчность, стремление завладеть лично бесценными сокровищами, но и некомпетентность некоторых влиятельных лиц, которых привлекали к рецензированию материалов, находящихся в музее. Они не могли дать качественной рецензии по той лишь причине, что они не разобрались в учении Пушкина.

И это понятно: мировоззрение Пушкина опережает даже нынешнее мышление. Многим учёным мешал устоявшийся взгляд на Пушкина только как на поэта, работника сферы культуры, но никак не работника исторической науки, а тем более - учёного-математика, создателя нового научного мировоззрения.

Все эти годы у нас было марксистское мировоззрение, европейское, а своё, пушкинское мы примем лишь после 1998 года, когда научные работы Пушкина получат истинное признание. Вот, пожалуй, главная причина того, что и ведущие пушкиноведы не хотят видеть в нём учёного, мыслителя, Пророка своего народа.

Так возник второй "порочный круг", в который был вовлечён наш музей. Получалось так: кому становилось известно о необычном музее в Таганроге и о научных работах Пушкина, обращались в горком КПСС, который поручал рассмотреть вопрос отделу культуры. Оттуда их направляли в музей-заповедник. А здесь домашний музей не числится в действующих. И вся информация на этом завершалась. Если же кто-то прорывался к музею, то срабатывал второй стереотип — Пушкин этого создать не мог, так как Пушкин был канонизирован только как гениальный поэт.

Когда же сами хранители обращались в инстанции по линии культуры (другого пути не было) с просьбами приехать, увидеть всё самим, - эти инстанции консультировались в том же горкоме КПСС, и всё повторялось: городской отдел культуры поручал дать ответ своей структуре — музею-заповеднику. И заключение: "ничего ценного в музее нет" уходило "наверх". В этот же круг была вовлечена и пресса, которая самостоятельно, без одобрения "сверху" не могла дать ни строчки о музее и его содержанием...

Когда хранители говорили о научной значимости работ, принадлежащих Пушкину, для современности, структуры требовали экспертизу как их пушкинской принадлежности, так и научности. Но экспертизу на подлинность можно будет провести лишь после передачи материалов на условиях хранителей. А научную экспертизу, как оказалось, на тот период никто не был в состоянии сделать, поскольку эти люди представляли старую, противоположную пушкинской, науку и не могли увидеть в ней рационального зерна. Это была их беда, а не вина. Но попытки познать суть моделей, конечно, были.

Тот же музей-заповедник поручал это делать местным учёным. К сожалению, они не имели соответствующей подготовки для работы с пушкинскими трудами. В основном это были учёные радиотехнического или педагогического институтов, которых я в своём музее никогда не видел, а потому не усвоивших даже начальных уроков в русле этого знания.

Как пример полного неприятия и непонимания Пушкина-учёного в то время, можно привести один из ответов официальных лиц на моё письмо:

"Исполком горсовета сообщает, что кафедра математического анализа пединститута, ознакомившись с Вашими материалами, представленными на кафедру, и заслушав Ваше сообщение по вопросу "Русская классическая математика", признала, что Ваши рассуждения не имеют к математике никакого отношения. Вы претендуете на открытие законов, относящихся к общим законам природы и общества, кафедра признаёт эти законы бездоказательными. 25 декабря 1973 года. Зам. председателя исполкома Горсовета Таганрога А.Д. Бочарова".

В эти "круги" вовлекались работники Пушкинского дома, структуры власти, учёные, литераторы. Но все попытки понимания ими значимости материалов музея заканчивались безрезультатно в течение всего времени его существования. Я добился только "почётного" звания сумасшедшего, даже с попытками медицинского обоснования в виде справки, хотя меня не привлекали никогда к медицинскому обследованию с этой целью.

Удивительно, но Пушкин вычислил эти "бюрократические круги", циклы прорастания нового мировоззрения. И чтобы это учение не завязло в этом "круговороте", пришлось прибегнуть к тайне и к определённым условиям хранения и обнародования этих знаний. Вот отсюда - "длительное хранение", "гласная передача", обязательное "обнародование" содержания в трактовке хранителей каждой работы одновременно с передачей и другое.

По этим "кругам" неприятия знаний проводили самого Пушкина, его последователей, хранителей и всех, кого хранители привлекали к работе с Архивом. Все автоматически попадали под чьё-то пристальное внимание, жёсткую опеку, контроль... Шантаж, угрозы, уговоры, отстранение, устранение — обычные методы расправы, стремление не допустить научного осмысления народом жизни.

Когда не удавалось "договориться", мы попадали в разряд неудобных, неугодных, неуживчивых, как это произошло и со мной после открытия музея.

А ведь было время, меня занесли в число почётных граждан города. Даже заказали мой бюст известному таганрогскому скульптору В. Руссо, изготовили этот бюст, который долгое время стоял... в Краеведческом музее, а затем путешествовал по области вместе с передвижной выставкой-галереей почётных людей области. А потом, когда пришло время сказать, что стояло за моей работой, - бюст... исчез, а родилось звание "сумасшедшего"...

Утешало, что "официальная точка зрения" на меня и на музей не мешала работе: за годы существования музея здесь побывали тысячи людей, среди них немало учёных, есть отзывы о пользе полученной ими информации, есть благодарности. Этот музей стал своего рода научной лабораторией, в которой велись исследования социальных, природных, исторических и других процессов...

Правда, с тех пор многое изменилось. Есть уже попытки показать учёность Пушкина и его осведомлённость во всех областях жизни, но эти книги написаны без учёта нашего Хранения и потому лишены глубины и истины. Они умалчивают о том заветном, собранном Пушкиным в удивительной последовательности — как лепестки розы, куда вошло всё, что невозможно было опубликовать в то время — не принятое общественным мнением или цензурой, и описанное с удивительной точностью и краткостью в произведениях, прежде всего, - в сказках, где вместо научных терминов употребляются специальные символы.

И теперь Архив — целая научная лаборатория, где ведут исследования на самые разные темы. Специалисты всех отраслей знаний находят здесь много интересного. Да и любой человек — тоже, потому что все работы Пушкина касаются человека, его жизни.

Исследовать человека так же интересно, как историю всего человечества, законы живого, природы... Пожалуй, ни одна наука до сих пор таких знаний не давала. А ведь эти знания не только теоретические, но и практические, применимые в любой сфере, в том числе и в социальной.

Знания Пушкина помогут Вам взглянуть на многие события по-новому, да и путаницы станет поменьше, потому что работы Пушкина - это научный

подход к жизни. Тем более большой грех держать взаперти "плоды просвещения".

Пушкин высоко ценил влияние "обнародованной мысли", ибо опубликованная мысль - это уже всенародное достояние, которое никто не в силах отнять.

Хранители проверили жизнеспособность мер, завещанных самим Пушкиным для сохранения его знаний на примере с письмами Л.Н. Толстого. Не так давно в газетах было сообщение о том, что в одной из центральных библиотек страны были обнаружены письма Л.Н. Толстого. Эти письма хранились там более 60 лет под видом вклада с пометкой даты вскрытия. Когда срок пришёл, вклад изъяли, и оказалось, что это — письма Толстого, о которых не было известно. Но люди так и не узнали, о чём эти письма, так как их до сих пор "изучают". А ведь в случае с Архивом Пушкина речь идёт о знаниях для народа, о народе, о будущем народа, о новом учении.

А официальные лица, словно не понимая, в чём дело, хотят упрятать ценнейшие документы, без обнародования в бездонные хранилища - или в свои не менее бездонные карманы, - в виде денежной ценности этих документов!

...Но вернёмся к судьбе Архива.

Как развивался наш род хранителей?

Пушкин отвёз свои рукописи Д.Е. Кутейникову и завещал их хранить до 1998 года. И встал вопрос: кому продолжать хранение?

Детей у Дмитрия Ефимовича не было. Были племянники - дети брата Степана, которые жили у него. Первым хранителем стал Иван Степанович, затем - его дочь Екатерина Ивановна Кутейникова, её сестры Софья и Павла.

Павла — моя бабушка - вышла замуж за купца, а законы были суровы: дворяне не имели права жениться или выходить замуж за купцов или мещан. И в наших родовых книгах записали, что она ушла из жизни девицей. А она вышла замуж за купца Ивана Константиновича Морозова, который принадлежал к известному в XIX веке в Приазовье купеческому роду Морозовых.

Морозовы, в том числе и моя мать — Татьяна Ивановна Рыбкина, состояли в близком родстве с матерью Чехова Евгенией Яковлевной, в девичестве Морозовой. Татьяна Ивановна имела 12 детей. Одиннадцатым её ребёнком был я.

Иван Константинович был директором крупного банка в Ейске, уважаемым горожанином, и не только Ейска. Благодарные за своё спасение греческие моряки установили у себя на родине памятник Морозову. Случилось так, что при подходе к Ейску греческое судно попало в шторм. Пристать к берегу не было никакой возможности. Судно стало тонуть. Моряки терпели бедствие на глазах оцепеневших от ужаса горожан, стоявших на пристани и не знавших как помочь...

Иван Константинович крикнул, что спасти гибнущих можно только если все выйдут в море на мелких судах и подберут каждый хотя бы по одному моряку. Кто-то да и спасётся. Правда, могут погибнуть и сами спасатели.

Понимая, что людям трудно решиться на такое, он первым вышел в море,

остальные моряки - за ним. И так случилось, что все моряки были спасены и все спасатели остались живы. Город ликовал, а греки увезли на свою родину об этом человеке легенду.

Иван Константинович Морозов долгое время был ведущим Архива Всего русского в России и обеспечивал нужное направление в работе с материалами Архива. Особенно велика его заслуга в том, что он, опираясь на модели А.С. Пушкина, определил истинного руководителя будущей (1920 года) революции в России и заботился о его просвещении в области ритмов жизни общества!

О том, что Ленин был прекрасно осведомлён о важнейших ритмах настроения народа говорит многое. Во-первых, были введены "пятилетки". Согласно пушкинским знаниям, ритмы усталости и активности народа меняются каждые 4 года 331 день (пять лет!). Это значит, что пятилетний ритм усталости сменяет пятилетний ритм активности. Зная это, правительство должно ориентировать свои планы по строительству экономики, сельского хозяйства, промышленности и так далее в соответствии с этими ритмами, что и предложил Ленин. В одном из своих писем-завещаний он пишет, что в период большой усталости народа нельзя затевать большие перемены. И наоборот: нельзя не использовать максимум возможностей в периоды активности народа. Если же делать всё наоборот, то все результаты будут обратные желаемым.

Вполне возможно, что первая сталинская пятилетка, начатая на "пике огромной активности" 1925-1930гг. - в 1927 году, именно поэтому была завершена к 1930 году (современные идеологи говорят, что она провалилась), чтобы экономика страны могла войти в ритм с ритмом настроения народа. Во всяком случае, только сокращение срока первой пятилетки позволило начать вторую пятилетку в соответствии с открытыми А.С. Пушкиным ритмами: вторая пятилетка проходила с 1930 по 1934 годы (период не большой усталости) сравнительно спокойно, без призывов к ускорению. Но уже третья пятилетка (период активности), запомнилась нам появлением стахановцев и других новаторов производства...

К сожалению, сейчас эти явления оплётаны современными идеологами, искажены, поэтому правильно не изучены и полностью игнорируются современным руководством. Это произошло потому, что пушкинские знания не стали достоянием не только широких масс, но и учёных и руководства страны.

Больше всех в этом "преуспел" М.С. Горбачёв, который объявил о начале гигантской перестройки в последние дни активности народа (с 22 декабря 1983 по 18 ноября 1988 года), перед самой большой усталостью с начала века (с 18 ноября 1988 по 18 октября 1993 года), которая требовала огромных усилий от людей, на которых с невероятной скоростью накатывалась усталость. Более того, пик этой усталости (1990 — 1991 годы) приходился на известный, например, в истории период Средневековой инквизиции, иначе - "время Сатаны", характерное полной переоценкой всех жизненных ценностей и разгула тёмных сил.

Итак, Ленина хранители "высчитали", "вычислили", работали с ним. Его всё русское интересовало. И он однажды даже спас Архив, но об этом позже. С Лениным, по заданию моего дедушки — Ивана Константиновича Морозова

работала моя старшая сестра Зинаида Макаровна, которая находилась рядом с ним даже в Париже, в период его эмиграции.

Она собирала документы о его деятельности. Хранители знали, что история искажена, нет правды практически ни об одной важной исторической личности и их времени. Знали они и то, что это - явление временное. И потому для нас они собирали материалы, которые становились частью большого Архива.

Материалы о Ленине также составили мини-архив, который хранился на квартире у Зинаиды Макаровны в Москве, на Кузьминках. Когда она в конце семидесятых годов умерла, её дочь — моя племянница обратилась в музей Ленина и рассказала, что после смерти матери остались документы, имеющие отношение к Ленину. Сотрудники музея, как следует из её письма, приходили, но ничего ценного среди бумаг, как они сказали, не нашли.

И племянница сообщает мне, собиравшемуся в Москву, чтобы я не ехал, так как, ей сказали, бумаги ценности не имеют и что она решила их... сжечь. Я пытался её остановить, срочно выехал в Москву, но было уже поздно: бумаги сожгли, а племянницу нашли с проломленной головой на железнодорожном полотне. Чудом она осталась жива, - машинисту удалось остановить состав, но память потеряла.

Я сделал запрос в музей о том, не попали ли к ним случайно документы о Ленине? И получил ответ: нет, ничего не поступало. Это всё очень интересно.

Но никто из сотрудников музея никогда не был на Кузьминках...

Так оборвалась нить этого филиала Архива... Но это не первая потеря.

Самые большие трудности с сохранностью Архива настали с революцией. Если до неё все материалы, в основном, находились в имении Кутейниковых и лишь часть переведена в Ейск, то потом Архив попутешествовал по всей стране. В Кутейникове, в 1918 году, он подвергся страшному погрому. Когда имение заняли красные, они решили, что эти бумаги — контрреволюционщина, и сожгли их. А это была часть Архива Войска Донского. И хранителям пришлось приложить немало усилий, чтобы та же участь не постигла Пушкинский Архив.

По просьбе Е.Кутейниковой, имевшей немалый авторитет в обществе благодаря своему уму, подвижнической деятельности, один из её знакомых адмирал в отставке, обратился к Ленину и привёз из Кремля охранную грамоту. Эта грамота не раз спасала Архив.

А было так.

Когда имение занимали красные, адмирал предъявлял грамоту Ильича, и красные охраняли ценности, когда белые — он облачался в мундир, и белые выставляли своих часовых...

В Ейске, в доме Ивана Константиновича Морозова, что на углу Михайловской улицы и Таманского переулка, в подполье с потайным входом через крайнее отделение подвала хранились эти ценности. Затем власти постановили — отдать этот дом под ВЧК, и нам срочно пришлось вывозить Архив.

В 1952 году я был избран ведущим хранителем Архива Пушкина. До меня

ведущим хранителем был Николай Алексеевич Кузнецов, сын Софьи Кутейниковой и известного в то время краеведа Алексея Кузнецова. Вот такая связь поколений и времён. С его именем связана ещё одна горькая утрата Архива - и также не по его вине...

...Николай Алексеевич Кузнецов умер внезапно, - от кровоизлияния в мозг. Жил он один в Таганроге, на улице Свердлова. Все его личные бумаги (целый шкаф) по завещанию переходили ко мне. Но не успел я оформить вступление в наследство, а бумаги выбросили во двор навалом, слоем метровой толщины и подожгли, когда ещё шли похороны. Кошунство, - иначе не скажешь. Но оно объяснялось просто: председатель ленинского райисполкома уже кому-то обещал квартиру Кузнецова, и требовалось её срочно освободить для вселения. Обычная практика того времени!

Но, кроме его личных бумаг, в "однокомнатной" квартире Кузнецова обнаружили ещё одну, скрытую, комнату с тщательно уложенными - до потолка, по всем правилам хранения - невероятные, судя по датам и авторам, книги.

А это была библиотека-спутница Архива Пушкина, которую невероятным трудом и подвижничеством всю жизнь собирали сёстры Кутейниковы. Им удалось скупить все ценные книги, которые выходили в России со времён книгопечатания и которые имели отношение к Пушкину.

Это были книги с автографами Пушкина, вышедшие при его жизни, с его пометками, а также носящие древние знания, которыми пользовался и сам Пушкин при написании своих научных работ. И книги, которые были написаны по моделям Пушкина великими людьми России, без изучения которых очень трудно понять сейчас и труды самого Пушкина...

Некоторые книги были подарены сёстрам Кутейниковым, но многое и покупалось... Это требовало огромных средств: книги в то время стоили очень дорого... Пришлось заложить имение Кутейниково под Таганрогом.

И вот теперь, в 1966 году, после смерти Н.А. Кузнецова, случайно обнаруженные городскими властями книги были также выброшены во двор и ждали своей печальной участи. Нам дали совсем мало времени, чтобы пристроить эти книги.

Тогда ещё не было и не могло быть музея научных работ А.С. Пушкина, время не пришло. И мы не могли открыть тайну пушкинского Архива и библиотеки.

Мы только сказали, что за день вывезти столько книг практически невозможно. Нам продлили срок до трёх дней. Мы начали хлопотать, куда бы перевезти эти

книги. Обратились за помощью к заместителю председателя горисполкома Иконниковой, которой сказали, что книги имеют отношение к Пушкину. Она дала указание заведующей отделом культуры собрать всех заведующих библиотеками, чтобы они отобрали все пушкинское "для детишек" и наложила резолюцию: оставшееся — в утиль.

Библиотекари посмотрели разочарованно, убедились, что это не сказки Пушкина, а старинные научные книги, как они сказали "эпохи меча и орала", и ... отказались их брать. И возникла угроза нового костра или свалки. Но

удалось договориться с заместителем директора по науке в то время областной библиотеки имени К. Маркса. По нотариальному завещанию за свой счёт отвезли книги на четырёх большегрузных машинах в Ростовскую государственную библиотеку и оформили это как дар Н.А Кузнецова.

Там были удивлены огромной ценностью переданного, спрашивали - откуда, но мы не имели права сказать им, что это - часть наследия Пушкина, что подвижнический труд Кутейниковых по патриотизму и денежной ценности несравненно превосходит собрание картин Третьяковым. Опись привезённых книг по договору с заместителем директора по науке Бригадировым, по договоренности, надо было делать при нашем представителе во время учёта, обработки поступления. Наш представитель должен был прямо в библиотеке на книгах ставить свой эксклибрис.

Но этот порядок был нарушен внезапным переводом Бригадирова на нижеоплачиваемую должность в связи с уходом на пенсию. В результате библиотекари сами делали инвентаризацию книг, которая длилась... два года. И что получилось? Книги, которые мы привезли, были описаны и размещены вперемешку с другими частными поступлениями и новыми изданиями и свою главную — неделимую ценность как спутницы Архива потеряли. Нас всегда спрашивают, почему у хранителей не было своей описи этих книг. Во-первых, мы не имели право этого делать, и не только опись книг, а вообще — опись любых материалов. Потому что по описи любой нечестный человек мог забрать всё. А когда не знаешь, что искать, не найдёшь.

Во-вторых, у нас была гарантия — слово руководящего работника библиотеки - посвящённого в наши дела в пределах дозволенного. И никто не предполагал, что его так срочно отстранят от должности, и порядок приёма книг нарушится.

Назначенная на место Бригадирова работница заявила, что они справятся без нас, а опись могут нам не давать, так как это был дар. Так была нарушена целостность этой части хранения.

Более того: я предполагаю, что из четырёх машин с книгами, которые вышли из Таганрога, до Ростова дошла лишь та, которую сопровождал я сам... Тем не менее, спустя два года я получил письмо из библиотеки К. Маркса за тремя подписями, в котором выражается благодарность за бесценный подарок. Что удивило в этом письме: вместо 14,5 тысячи томов редких книг там было обозначено примерно 9,5 тысячи книг и около 5 тысяч рукописных сшивов и журналов... Никаких газет, журналов и рукописных сшивов мы не передавали.

...Нас преследует ужас пылающих костров.

У нас в Архиве были книги Эпохи Возрождения. Это огромная культура. Когда в Европе наступили смутные времена - примерно с 1606 года, все книги Эпохи Возрождения стали называться "чёрными" — магия, алхимия и так далее. И стали сжигать эти книги вместе с владельцами. А в России правительство относилось к этому лояльнее. И ценнейшие книги стали постепенно перевозиться в Россию, где они надёжно хранились много лет вплоть до наших дней. Они были переведены на древнерусский, ещё "допушкинский" язык, и хранились отдельно от других, - на случай, чтобы из-за них не пострадало

другое хранение, у моей второй старшей сестры Валентины Макаровны.

Она жила в Абхазии и хранила эти книги на чердаке собственного дома... И вот она умерла. Ситуация почти полностью повторилась. Мы приехали на похороны. Людей было очень много, - Валентина Макаровна была известным в городе врачом-стоматологом. Пока мы были на кладбище, её младшая дочь вынесла все книги и сожгла. Знала ли она, что сжигала? Знала. Но эти книги принесли им столько горя и несчастий, что она решила лучше от них избавиться, чем хранить. И эту потерю, также, уже ничем не восполнить. Костёр в Ейске, Гудаутах, Москве, Таганроге... Невероятно? Именно эта "невероятность" или "цепь случайностей" и позволяет и теперь некоторым должностным лицам вопрошать: что-то странно, что у них всё горит... А, может, там ничего и не было?!

И действительно - пойдя докажи, что сгорело: мусор или ценности. Но я считаю, что ценности и рукописи не горят. И верю, что хоть что-то уцелело... Несмотря на горькие утраты, потерю части Архива, ещё есть возможность собрать в одно место все материалы, - а это более двухсот ценнейших старинных научных книг, рукописных сшивов на русском и некоторых европейских языках, и несколько сот тысяч исторических документов, рисунков, фотографий, графиков, математических моделей... Так вот, пока ещё всё это собрать возможно. Завтра будет поздно.

Во-первых, Архив начинает сам себя "съедать". Растут материальные затраты на его сохранность. Чтобы иметь средства на его хранение, мы вынуждены были начать продажу некоторых старинных архивных материалов ещё в 1981 году. В результате только одного объявления в Таганроге и Ростове было продано экспонатов на 51 тысячу рублей.

Хранители умирают один за другим. На смену им приходят те, кто не знает, что хранит. Например, получилось так, что в одной семье умер дедушка-хранитель,

внезапно следом за ним умирает его сын, а внук, молодой, непосвящённый, когда мы пришли за материалами, заявил, что ничего не знает и не хочет знать о "какой-то рухляди". И в этой обстановке нам пришлось пойти на такую уловку: мы заплатили ему огромную сумму денег и оформили купчую, по которой он, вроде бы, купил у нас эти документы за такие деньги. Мы хотели, чтобы он знал истинную цену того, что ему досталось, и случайно не выбросил...

Вот почему самые главные ценности Архива мы вынуждены сейчас хранить ...в государственных учреждениях. Есть такая форма хранения - на предъявителя, или по истечении указанного владельцем времени хранения. Так, например, были вскрыты письма Л.Н. Толстого, о которых я уже говорил. Я не берусь оценить стоимость Архива. Хотя предположить можно. Во-первых, там подлинники. Сколько мы заплатили за три письма Пушкина? Кажется, миллион? А здесь — не письма, а научные работы, стоимость и значение которых поистине бесценны.

И ещё. Обычно под архивом подразумевают прошлое, а наш Архив — это настоящее и будущее России. По этим знаниям нашему народу жить несколько

веков.

Наш Архив давно и дорого оценён на международном аукционе в Лос-Анджелесе, а иностранцы деньги считать умеют. Но для нас, повторяю, этот Архив бесценен! И должен принадлежать народу бесплатно, но стать его достоянием и святыней.

Вот почему главное условие передачи Архива — гласно, по актам, - каждый документ отдельно! Пока же эти условия не выполняются, - наш Архив находится под угрозой гибели. Стоило, скажите, его хранить? Стоило ли его хранить такой ценой - ценой гибели многих людей?

Среди погибших — мой старший брат Михаил, дальняя родственница Софья, наш курьер, двое моих детей... А сколько несчастья и недоразумений выпало на долю другим!

А как назначался Хранитель?

Хранителей было много. Они составляли Совет. А Совет избирал своего ведущего. Ведущий отличался от обычного члена Совета тем, что имел два голоса. Таким образом, его мнение много значило. И ещё одно правило: если что-либо надо было решить, никто не имел права принять решение в одиночку - требовалось только согласие всех. Это исключало всяческую возможность обмана и недобросовестности.

Впрочем, это было исключено ещё и по другой причине: в Совет избирались прежде всего члены рода хранителей, затем - самые честные, добросовестные, пользующиеся поддержкой всех хранителей без исключения — по принципу справедливости. Совет хранителей Архива А.С. Пушкина назначал ведущего второго архива — "Архива всего русского в России", который привлекал лучших людей России к работе с материалами Архива.

И ещё важная деталь: членом Совета хранителей мог стать только тот, кто знал, что хранит. А знать надо было всё на память, поскольку мы не имели права делать описи, какие-либо списки, тем более — записывать содержание научных работ.

Дети присутствовали на всех заседаниях Совета, слушали разговоры взрослых. Потом проходили курс учёбы для работы с Архивом. И когда меня спрашивают об образовании, я говорю, что основное моё образование — это Архив. Конечно, была и гимназия. А ещё в юности меня определили к знатной цыганке — для прохождения курса наук древней Индии, сохранившихся у цыган — выходцев из Индии. Эти знания близки к научным работам Пушкина и позволяют их лучше понять. Например, по Пушкину, существует всего 64 типа людей. Эти типы можно научиться определять. И опытные гадалки определяют по внешнему виду, по форме туловища, головы, лица, даже количеству и месторасположению родинок! И, правильно вычислив тип и возраст человека, она с точностью до нескольких дней могла предсказать, что ждёт человека в жизни. Это не "гадание пальцем в небо", а строгая математически точная наука, которой владели древние и которую Пушкин пересказал для нас. Раньше в древних книгах были описания всех типов людей и событий. Вот почему так печальна пропажа библиотеки-спутницы Архива А.С. Пушкина, в котором эти книги как раз и хранились!

В 1918 году меня призвали в русскую армию. Мне было всего 14 лет. Потом я служил в Красной Армии, в ЧОНах, получил офицерское звание. Окончил Высшую партийную школу при ЦК РКП(б). Тогда ещё не было учебников, и нас учили по первоисточникам. Я поступил в Северокавказский энергетический институт на заочный факультет. Затем работал начальником связи на заводе "Красный Аксай", в то время - самом крупном на Юге России, и мог поэтому поступать заочно только в институты министерства наркомата, к которому относилось это предприятие.

Когда заканчивал отделение "Электрооборудование промпредприятий", меня должны были направить на Урал. А у меня — пятеро детей, и только получил в Ростове двухкомнатную квартиру. В месте же назначения жилья не давали, и я с последнего курса перешёл на факультет "Высоковольтные линии передачи и подстанции". Закончил и поступил в Промышленную Академию — в ту, в которой учился и Хрущёв.

Знаний требовалось много. Потому что пришло время новой науки. Я учился всю жизнь. Но своё главное образование я получил в Архиве. Западно-европейская культура создала современную математическую науку, а наша молодая социалистическая культура - классическую математику, и до сих пор мало кому известную, хотя она одного порядка, одного ранга с европейской, и поэтому её нельзя сравнивать ни с одним из разделов общепринятой математики. Эти науки симметрично противоположны, у них нет ничего одинакового. Но они вместе способны удивительно хорошо дополнять друг друга.

Так, европейская математика с большим трудом применяется в явлениях атомного мира и совсем бессильна в ядерном мире, где нет количественных величин. Неприменима она и в биологических, и в исторических науках, т.е., как раз там, где русская математика достигает наибольшего успеха. Поэтому этим двум математикам следует вместе дружно работать, дополняя друг друга, не обращая внимания на различия в возрасте.

Русская классическая математика берёт своё начало от А.С. Пушкина, который в начале XIX столетия возглавил не только литературу, музыку, живопись, но и науки. Лобачевский — младший современник Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Под их влиянием он создал новую геометрию — науку общественной культуры. А потом раздвоилось. Математики Гаусс и Риман приложили немало труда, чтобы приспособить Лобачевского к Западу. А в России тогда ряд учёных, в том числе Н.Я. Данилевский и Л.Н. Толстой (да, да! писатели-математики!) продолжили работы Лобачевского.

И в начале двадцатого века Герман Минковский, кровно связанный с нашей культурой славянским происхождением и своей родиной - Россией (его предок — российский дворянин, чьё имение располагалось рядом с имением Пушкиных и кто общался с Пушкиным) - обобщил работы предшественников своего отечества и представил в Германии ошеломившую Запад "пространственно — временную четырёхмерность". Одновременно с ним А. Эйнштейн обнаружил непригодность существующей Европейской математики, создавшей научный кризис и вызвавший в России появление серьёзнейших

работ по философии математики: от тех же источников русская классическая математика получила "четыре пространственно — временных направления" и вышла на дорогу потрясающих открытий в естествознании.

Необычное детство и семейная обстановка предоставили мне возможность "не отставать от века" и в политической, и в научной жизни страны. За несколько лет до революции на внеклассных занятиях в Реальном училище я выступил с докладом, доказывая необходимость и возможность создать новую математику. Меня жестоко осмеяли. Оказалось, что никто из присутствующих ещё не знал о высказываниях А. Эйнштейна и Г. Минковского о "новом математическом аппарате", тем более — о пушкинской "тайной" - до срока — науке.

Математика количественных отношений и пространственных форм — трёхмерная (многомерность пространства — чепуха), а окружающий нас мир — пространственно-временной, т.е., четырёхмерный. С помощью обычной геометрии графически, а значит и аналитически его невозможно изобразить.

Мне же было совершенно ясно, что в основе нового математического аппарата должны лежать Законы природы. Наперекор всем я не снизу вверх, а от высшего закона природы — вниз — начал логическое построение абстрактного выражения законов природы.

Тем временем стали появляться в научной литературе многочисленные попытки создать новый математический аппарат в рамках старой математики. Такая наивность опозлила самую идею, поэтому наши ведущие теоретики В.А. Фок и И.Е. Тамм вынуждены были затасканные слова "новый математический аппарат" заменить "новым (иным) методом познания природы".

В 1923 году я представил свои работы по новому математическому аппарату уже в высшее учебное заведение, и на этот раз был очень жестоко бит. Продолжая работать, я время от времени делал доклады в других вузах, и в конце концов получил признание в бесспорной правильности логического построения и даже удачного достижения поставленной цели, но... меня пытались разочаровать, убеждая, что новая математика не сможет найти практического применения.

Дальше предстояло обобщить с помощью нового математического аппарата труды всех русских учёных — биологов. Так было создано "Исследование однолетнего растения...", и в 1946 - 1947 году сделал доклад на биологическом факультете Ростовского университета. Там, признавая большую проделанную работу, пришли к заключению, что нет надобности создавать новое в биологии, так как существующие учения, якобы, вполне их удовлетворяют.

В результате обширного знакомства с русской дореволюционной научной литературой я узнал пароли и шифры, и мне открыли свободный доступ к тайным научным работам русских классиков 19 века. Оказалось, что построенный с таким трудом за многие годы жизни новый математический аппарат есть точное повторение Русской классической математики, созданной нашими классиками в 19-м веке. Она представлена обширной научной литературой, но, к сожалению, трудно доступной, потому что стала не только уникальной, но и скрытой от европейского невежества.

Русская математика - это абстрактное выражение законов природы, или наука о законах природы, или... законы природы.

В моём письме к М.С. Соломенцеву поднимался вопрос о том, что нужна русская классическая математика и нужно печатать всё, что касается соответствующего направления. Назрел вопрос большой государственной важности и государственного масштаба. Конечно, я не Эйнштейн, и никто не присоединится к этому ходатайству. А откуда у нас взяться эйнштейнам при такой излишней строгости к науке. Видимо, письмо зашло на кафедру по пути в макулатуру. Ну и бог с ним!

Что ещё добавить? Что на основе новой математики и с её помощью были написаны все наши классические произведения первой половины девятнадцатого века...

Неужели я так и не дождусь момента, когда всё общество повернётся лицом к Пушкину и к его Хранению?

Отказались даже от завещанных мною в пользу города материалов музея! Вот текст этого Завещания.

"Завещание.

Город Таганрог. 29 сентября 1981 года.

Я, Рыбкин Иван Макарович, 1904 года рождения, проживающий в городе Таганроге, переулок Исполкомовский, 100, на случай моей смерти делаю следующее распоряжение:

1. Все принадлежащие мне экспонаты Выставки и все материалы и документы, имеющие отношение к экспонатам Выставки, находящиеся в Таганроге, улица К. Либкнехта, 75, кв. 7, а именно:

Все математические модели, выполненные по научным работам А.С. Пушкина и других учёных России, а с ними все рисунки, фотографии, таблицы и копии.

Все находящиеся там документы семейных родовых архивов Кутейниковых и Морозовых.

Все старинные научные книги и другие старинные документы, которые будут храниться при Выставке.

Все находящиеся там мои научные работы, выполненные в рукописях, чертежах, магнитозаписях и других видах

Я Завещаю

Таганрогскому государственному литературному и историко-архитектурному музею-заповеднику.

Настоящее Завещание составлено и подписано в двух экземплярах, из которых первый хранится в делах первой Таганрогской государственной нотариальной конторы, а второй выдаётся на руки завещателю — Рыбкину — и так далее, в соответствии с правилами юриспруденции".

Не только отказались — подняли меня на смех, заявив, что это никому не нужно, поскольку нет подлинников.

Долго лелеял я мечту о том, как произойдёт передача материалов, с чего тогда надо начинать. С чего же?

Желательно не нарушать порядка, в котором расположил материалы сам

Пушкин. Он начинает собрание моделью несложной, но грандиозной по содержанию, под названием "Золотая цепь" - главный Закон Космоса — закон равенства противоположностей, из которого вытекают все другие закономерности. А далее он расположил свои работы так:

1. предметы (одушевлённые и неодушевлённые) — мужского и женского рода.
2. фазы развития в природе.
3. цикл видовой жизни человека... и многое другое.

Сейчас без работ А.С. Пушкина не обойтись, это очевидно. Из нашей жизни, познания выпали целые пласты проблем бытия, сознания, мира, да и сам человек. Эти знания не освоены ни одной философией мира.

Мы, хранители, со всей ответственностью заявляем, что пушкинское мировоззрение даёт ответ на все эти вопросы и даже больше. 165 лет мы проверяем его обоснования, выводы и видим, как они подтверждаются... Мы давно доказали право научных работ А.С. Пушкина на жизнь...

Но, повторяю, не так уж много удалось сделать по обнародованию материалов. Для осуществления этой задачи создали в Таганроге домашний музей научных работ Пушкина, зарегистрировали в Молодёжном культурном центре при Горкоме комсомола с помощью журналиста в то время областной газеты "Комсомолец" Елены Мирзоян и тогдашнего секретаря таганрогского Горкома комсомола Александра Леонидовича Кабицкого (больше нигде не регистрировали) Пушкинский клуб, появились первые (!) за столько лет умалчивания публикации в местной газете "МИГ" (которую учредители и журналисты "МИГа" Елена и Лев Мирзояны специально создали для публикаций этой темы), а потом откликнулась и центральная пресса...

Прозвучали единичные сообщения по областному и центральному телевидению и радио... И снова всё успокоилось. Официальные структуры не отозвались. А путь народа к знаниям был по-прежнему затруднён, да и моя последующая болезнь мешала общению людей с миром Пушкина-учёного. Всё это было каплей в море по сравнению с объёмом материала и уменьшающимися сроками, отведёнными А.С. Пушкиным для обнародования научного Архива. И даже в музее удалось сделать лишь одну экспозицию из тридцати задуманных в соответствии с Завещанием Пушкина...

Кроме того, чаще всего вопреки нашему желанию, появлялась отрицательная информация, и это значительно осложняло работу. Такую оценку можно дать фильму, снятому программой ЦТ "Под знаком пи" о нашем музее, хранителях, моих помощниках и вообще о пушкинских знаниях.

Такой фильм они могли снять не выезжая из Москвы, поскольку он отразил общедозволенную точку зрения на Пушкина и всё что с ним связано. Пушкин-учёный в этом фильме так и не появился, хотя создатели фильма уверяли, что преследуют именно эту цель. Как потом выяснилось, у них осталась масса неиспользованной плёнки - той самой, где были запечатлены даже очевидцы подлинников Архива. Затем, после показа фильма, они предложили "Мигу" выкупить эти плёнки за 7 миллионов рублей. Осенью 1992 года это была огромная сумма, и плёнки куда-то "ушли"...

И тогда я предложил "Мигу", городскому частному издательству, которое

ранее и делало все публикации в прессе по нашему музею, издать пушкинский сборник моделей с их кратким описанием, как и оговорено в условиях передачи. Этот специальный номер делался долго и трудно по разным причинам. Наконец он появился. Там оказалось гораздо больше материала, чем я предполагал. Дело в том, что в 1991 году я сильно заболел, перенёс инсульт. Долго лежал и ещё дольше учился говорить заново. В это время и шла работа над журналом. Особенно помогать консультацией не получалось, и, видно, в целях экономии времени, автор журналист Е.Мирзоян не познакомил со всем объёмом материала. Я не ожидал, что в журнале будет помещена история архива и частично — история рода хранителей...

Я убедился в том, что всё стоит на месте после того, как изучил журнал. Главное, что удалось автору публикаций — не исказить содержание моделей и самих знаний А.С. Пушкина, моих воспоминаний и консультаций.

Я по своей должности конечно был обязан ознакомить с этим изданием членов Совета хранителей. И спустя некоторое время Совет хранителей выразил своё согласие с публикацией и высказал особую благодарность автору и издателям.

Но если с обнародованием материалов ещё дело двигалось, то с самой передачей — нет. И до сих пор ни один подлинник научных работ Пушкина не передан официальным структурам.

Причин тому немало.

Таганрогский музей так и не получил статуса музея — ни официального, ни народного, - несмотря на то, что к музею давно проложена та самая "народная тропа". За 15 лет со дня открытия музея мы, члены Совета хранителей, обращались в самые различные инстанции, организации и учреждения: Пушкинский Дом, Министерство культуры, Академию наук, в редакции почти всех центральных газет и журналов - от общественно — литературных до научно - популярных... Но всюду встречали либо враждебность, либо непонимание, либо сталкивались с вымогательством. Узнавая, в чём дело, - нам предлагали присылать всё, - а там разберутся, где Пушкин, где его последователи. Всех этих деятелей интересовали сами подлинники, а не знания, которые они содержат, и никто из них не дал письменной гарантии в том, что будут соблюдены все условия передачи материалов.

Архив стал "лакмусовой" бумагой — проверкой на совесть у всех, кто с ним соприкасается. Он высветил состояние нашего общества, отношение в нём к человеку, культурным и нравственным ценностям — высшим ценностям мира.

...Все эти годы, пока одни - хранители — делали невероятные усилия, чтобы сохранить архив, теряли людей, филиалы архива, воевали с бюрократией, беззаконием, вымогательством, пытались пробить барьер недобросовестности, замалчивания, невежества, - другие этот барьер создавали. Удивительно бережно, удивительно надёжно. Используя все законы и все лазейки.

Эти бы силы — да на хорошее дело направить... Ан нет...

Теперь как никогда понимаю, насколько Пушкин был прав, завещав передать свои труды народу гласно — "поведать свету": это действительно единственный

путь знаний к людям... иначе кто поручится за то, что, во-первых, все документы будут приняты по актам, списку, во-вторых, что они будут доступны простым людям, и что, наконец, так называемые специалисты, которые, не видя ещё этих работ, тем не менее изначально не доверяют специалистам Совета хранителей, работающим по ним с самого первого дня, - передадут содержание научных работ без искажения, когда дело дойдёт до этого.

Итак, одно из условий передачи Архива — передать документы гласно, по актам, а не оптом или инкогнито... С предварительной публикацией материалов в трактовке хранителей... В общем, ничего невыполнимого или непонятного в них нет. Но всё дело в том, что скрупулёзное их выполнение полностью исключает возможность эти подлинники "прибрать к рукам" тем, кто за ними так долго охотился, стать монополистом не только на сами рукописи, но - что ещё важнее — на знания, которые они содержат. Ведь знания лишь тогда становятся достоянием масс, когда они опубликованы, обнародованы, и Пушкин вовсе не случайно так высоко ценил влияние обнародованной мысли.

На наше письмо о таганрогском музее Д.С. Лихачёв написал: "Я совершенно не в курсе "научных работ А.С. Пушкина". Что под этим подразумевается? Переговорю со своими пушкинистами". Это было в 1983 году.

Но, видно, и до сих пор они "говорят" на эту тему...

А ведь мы приезжали в Пушкинский Дом неоднократно, и не с пустыми руками, а привозили туда подлинники, но вместо ожидаемого предложения по передаче материалов слышали требование только оставить все документы им, без передачи.

Здесь, мол, находятся самые настоящие специалисты по Пушкину, а не в Совете хранителей, и мы сами будем с ними работать. Таким образом, они не хотели делиться с нами, хранителями, ни этой сенсацией, ни правом распоряжаться документами, ни правом обнародовать свои многолетние исследования как большой научный труд...

Впрочем, вот одна из историй типичных встреч хранителей и членов Пушкинского Дома.

...Это было во второй половине 70-х годов. Нас было 6 человек. Мы приехали в Ленинград — больше месяца ходили к Фомичёву (*в то время — заместитель директора ПД — прим. авт.*). Рассказали всё, - он говорит, чтобы пришли дня через 2-3. Мы начали с того, что у нас есть архивы и показали некоторые подлинные материалы из Архива Пушкина и из Архива Кутейникова. Он попросил всех посторонних выйти и сказал, что это — самая большая сенсация после смерти Пушкина.

Через 2-3 дня мы снова пришли, а он сказал, что этого не может быть, так как Кутейников не имеет отношения к Пушкину.

Через 2 дня мы принесли ему книгу Черейского "Окружение Пушкина", в которой говорится, что Кутейников был одним из ближайших соратников Пушкина. После этого Фомичёв сказал, что они согласны всё взять и получают за это большое вознаграждение. Мы объяснили, что это невозможно. Тогда он привёл в пример женщину, которая нашла на чердаке рукописи и получила за это благодарность. Мы сказали, что это — не случайная находка, а хранение, и у

нас нет таких прав и что мы — единственные специалисты этого дела и без нас исследовать нельзя. Он сказал, что если мы им не передадим на этих условиях, то они не допустят, чтобы мы с этими материалами работали.

Это был ультиматум. Судя по всему, это были не его слова. Он был лишь посредник. Но с кем он советовался, - он не сказал.

А в последний приём разговор и вовсе был короткий: если мы не дадим, они не допустят, чтобы мы что-либо опубликовали. Через неделю получил письмо от Макринова (учёный секретарь группы Пушкиноведения, в его распоряжении в то время были все книги о Пушкине и Пушкина), который написал, что такое отношение к Пушкину потому, что его знания преждевременны.

До этого он приезжал к нам. Ему дали задание — увезти Архив Кутейникова. Но на таких условиях мы не согласились, и он уехал. Потом Макринов стал "чёрным монахом".

Короче, длительная многолетняя переписка с Пушкинским Домом, можно сказать, завершилась. На очередную попытку хранителей передать материалы, зам. Директора А.Ф. Лапченко отвечает, что, если и на этот раз хранители не предоставят им ксерокопии фотокопии, то больше они не намерены никаких дел иметь с Рыбкиным и хранителями.

А никаких дел-то и не может быть!

Фактически официальный ответ представителя администрации ПД можно расценивать как официальный отказ от пушкинского наследия, и теперь у Хранителей все права действительно не иметь никаких дел с пушкинистами... Но последнюю точку в этой переписке, всё-же, поставил не А.Ф. Лапченко, а хранители, написав Пушкинскому Дому "Открытое письмо" следующего содержания:

"В Пушкинском Доме не "хранятся все рукописи А.С. Пушкина", - как Вы пишете, а по Закону должны храниться. Поэтому не И.М. Рыбкин, а Совет хранителей начал обращаться в Пушкинский Дом в начале 70-х годов, чтобы безвозмездно передать завещанные А.С. Пушкиным документы. А.С. Пушкин назначил срок передачи документов с 1979 по 1998 годы. Этот архив не является собственностью хранителей, а принадлежит народу.

В 70-х годах приезжал из Пушкинского Дома Макринов, и, ознакомившись с архивом, высказал мнение, что передача архива ПД несвоевременна, в связи с враждебным отношением сотрудников к Пушкину.

А.Ф. Лапченко на предложение передать архив пишет: "Согласны на любые условия", и тут же ставит невыполнимые для нас условия: прислать ксерокопию или фотокопию одного-двух листов рукописей.

И далее категорично заявляет: "...без этого любой разговор на эту тему не имеет никакого смысла".

Наша цель — не показывать документы, а сохранить их до передачи. Мы не можем так рисковать и передавать документы посторонним людям для снятия копий. Кроме того, нельзя снимать копии с документов, не прошедших экспертизу.

Мы просим Пушкинский Дом принять подлинники, а потом Вы сами можете

решить, что с ними делать.

Что касается ссылки на не авторитетность лиц, подписавших обращение в Пушкинский Дом, сообщаем Вам: мы имеем одобрительные отзывы о нашем музее и архиве от сотен ТОЛЬКО профессоров, докторов наук, кандидатов наук и доцентов. Несостоятельными представляются также обвинения в мой адрес о стремлении пропагандировать "собственный домашний музей". Я являюсь не собственником музея, а Председателем Пушкинского клуба.

Когда профессор Фомичёв отказался, нарушая ЗАКОН, принимать от Совета хранителей старинные документы на условиях хранителей, энтузиасты пушкинских научных работ были вынуждены открыть музей на собственные средства. Если бы Фомичёв принял документы, такой необходимости в музее не было бы.

Но к кому обратиться со своей бедой? Уже и до музея добрались грязные руки. Пользуясь моей болезнью и незащищённостью, не ожидая даже темноты, среди бела дня из музея выносятся материалы без возврата. Страшно то, что они никогда и нигде ещё не публиковались. И это не простое воровство, а сознательное вредительство. Куда только я ни обращался. В конце концов попросил Е. Мирзоян сказать об этом новому начальнику городского отдела КГБ. Нас вызывали и попросили написать заявление с указанием подозреваемых. Я отказался, так как, находясь в преклонном возрасте, я не мог рассчитывать на самооборону. Е.Л. Мирзоян сказала, что она напишет заявление от своего имени, но ей сказали, что так нельзя. В результате из музея вынесено большое количество материалов.

И я не уверен, что после моей смерти этот процесс прекратится, и что мои внуки Юля и Наташа, которым я завещаю материалы музея, не будут подвергаться преследованию и вымогательству со стороны тех же лиц.

Они опустили до того, что угрожают мне, старому человеку, и Елене Мирзоян и её коллегам, затеявая против них грязную игру с "разоблачениями" и травлей.

Метод не новый в этом мире. Я сам это не раз переживал в своей жизни, и понимаю, сколько сил надо, чтобы этому противостоять. Они, тайные охотники за подлинниками, первыми поняли, что важность материалов Пушкина - не в подлинниках, а в знаниях, которыми музей был полон. Но они преследуют иные цели — только выгода, нажива. Они рассчитывают, что с помощью этих материалов они обогатятся и обретут власть. Глупцы! Сейчас наступает иное время: только нравственные, честные, трудолюбивые люди смогут снискать уважение общества и многого добиться...

Монолог был записан мною с 1990 по 1994 годы.

...Музей научных работ А.С. Пушкина прекратил своё существование в 1994 году, после смерти И.М. Рыбкина... Сбылось его печальное предсказание относительно музея: часть материалов проданы одному из тех, кто мешал хранителю все последние годы жизни, кто и сегодня борется с "МИГОМ" и вносит неразбериху в процесс передачи пушкинских знаний народу... Как истинный Пророк, Пушкин проходит "все круги ада" и после смерти.

Елена Каверда-Мирзоян